

СЕМЬ ЦЕРКВЕЙ АПОКАЛИПСИСА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ КОНЦА I – НАЧАЛА II ВЕКОВ

Шустер В.С.

(Минск, Минская духовная академия)

Послания Семи Церквам – это небольшая часть книги (2-я и 3-я главы) в самом её начале, их форма во многом напоминает послания ап. Павла. Семь христианских общин (церквей), к которым св. Иоанн по поручению Сына Человеческого поочередно обращается, – это общины малоазийских (асийских) городов Ефеса, Смирны, Пергама, Фиатир, Сардиса, Филадельфии и Лаодикии. В I веке они, по-видимому, пользовались определённой известностью в христианском мире, но число семь выступает здесь в символическом смысле – как описание полноты церковной жизни. Иначе говоря, св. Иоанн обращается к Вселенской, т. е. ко всей Церкви на примере конкретных исторических общин с их специфическими особенностями [5, с. 581]. По мнению исследователей выбор церквей был обусловлен большой окружной дорогой, которая все их связывала и потому давала возможность распространить письма по всей провинции. Порядок их упоминания указывает на путь, которым следовал посыльный с книгой. Это предположение весьма убедительно, но нельзя упускать из виду, что Иоанн пишет свое послание как прямое откровение, непосредственно полученное от Господа, и потому можно предположить, что это были церкви, о которых он особо заботился и за которые нес особую ответственность перед Господом [7, с. 1491].

Эфес был одним из самых первых азиатских центров культа императора, и Домициан доверил Эфесу титул хранителя его храма; о том, что он был известен своими магами и поклонением Артемиде. Храм Артемиды был местом убежища изгнанников [4, с. 402], но его «спасением» часто злоупотребляли, и окрестные территории заслужили славу недостижимого для закона криминального святилища, где располагался центр организованной преступности [1, с. 713]. В Эфесе было довольно значительное по численности еврейское население, часть которого первоначально составляли христиане (Деян. 18:19,20,26; 19:8,9). Эфес фактически в этот период времени был главным центром Малой Азии [2, с. 657]. Исходя как из текста Книги Откровения, можно предполагать, что перед ефесской общиной достаточно остро стояла проблема взаимоотношений с культом императора. Сама идея обожествления римских императоров существовала и до

Домициана, но императоры не проявляли особого энтузиазма в продвижении культа и даже в тех провинциях, где уже строились алтари, почитание не выходило за рамки индивидуальных инициатив. После провозглашения Домициана «господом и богом» ситуация изменилась принципиально – все сомневающиеся в божественности императора объявлялись атеистами. Напряжённость этой ситуации для христиан и иудеев особенно остро проявилась в Ефесе, где в честь Домициана и его жены Домитии был построен огромный храмовый комплекс длиной 154 метра. Св. Иоанн, возможно, поддерживает и ободряет в своём послании слабеющую общину, оказавшуюся в крайне непрестом положении. Причина обвинений Господом ефесских христиан отражает общую ситуацию конца первого века: разочарование, связанное с ожиданием скорого пришествия Христа, охлаждение любви и лояльность по отношению к новому культу [6, с. 80-81]. В Откровении ефесские христиане получают похвалу за сопротивление, оказанное николаитам. Николай, возможно, один из семи иерусалимских диаконов (Деян. 6: 5), явился организатором ереси, получившей его имя. Суть ереси николаитов состояла в поиске компромисса между христианством и господствующими в языческом обществе нормами жизни, как в религиозном (участие в культах), так и в нравственном аспектах [6, с. 82].

Ефес, совершенно очевидно, должен был стоять первым в списке семи церквей и, совершенно естественно, что его главный соперник – Смирна стояла на втором месте. Говоря смирнцам Христос, что Он – первый и последний, Он тем самым присваивает Себе титул Альфы и Омеги, подобающий одному Богу. Ведь Иисус Христос – это начало и конец искупительного творения. Он также упоминает о Своей Смерти и Воскресении, которые смирнцам предстоит заново пережить уже в качестве христиан. Соответственно, в заключительном обетовании побеждающему Он говорит о жизни вечной. Св. Иоанн, ободряя христиан, пишет, что гонения, перенесённые за веру, дадут им духовное богатство и награду в виде венца жизни. Образ венца сразу напоминал терновый венец Христа – символ мученичества и жертвенности, но, по сути своей, он и есть венец жизни вечной. Возможно, апостол Иоанн, как и апостол Павел, использовал не только понятные образы из жизни, но и знакомые образы речи, превратив «венец света» (мистериальная символика) в «венец жизни». Метафора венца могла быть инспирирована и привычными для жителей Смирны картинками из обыденной жизни: богини Кибелы, изображаемой с короной (венцом) на голове или атлетами, получавшими венец за победу в соревнованиях [6, с. 126]. В послании Смирнской церкви критики нет – эта цер-

ковь, как большая митрополия, реально существовала до 1922 г. на территории Османской империи.

Пергам был центром религиозной жизни провинции Западной Анатолии, в нем было множество храмов. Самым известным из них был храм Асклепия, бога врачевания, тесно связанного со змеей, которая стала символом Пергама, в городе был также огромный алтарь Зевса. Самое важное из всего – это присутствие в Пергаме первого в этой области храма, посвященного императору Августу и Риму, а потому город стал центром культа императора в провинции Азия. Такие политические и религиозные реалии создавали много трудностей для христиан. Титулы Господь, Спаситель и Бог, которые христиане относили исключительно к Иисусу, постоянно применялись здесь по отношению к императору [1, с. 715]. Пергамской церкви Господь предстает в образе мессианского воина-судьи, который собирается сразиться с лжепророками. В конце I-го в., когда св. Иоанн писал Книгу Откровения, Пергам, несомненно, был самым крупным центром язычества в Анатолии во всех его вариантах. Престол или место обитания сатаны – это образ, довольно точно описывающий гигантский жертвенник, посвященный Зевсу, занимавший видное место на застроенном капищами Акрополе Пергама. Определённым смущающим моментом был культ Асклепия, который официально именовался «спаситель (целитель)» – σωτήρ, а символом культа были змеи, обвивающие чашу (символ современной медицины). Эти отрицательные библейские символы могли смущать как иудеев, так и христиан. Но ни алтарь Зевса, ни храм Асклепия не могли претендовать на именование «престол сатаны». Исторически достоверно, что из Пергама пошло обоготворение императора Августа, и первый алтарь в его честь был воздвигнут именно в Пергаме. Если придерживаться версии, что Апокалипсис был написан во времена Домициана, утвердившего культ кесаря, то «престол сатаны» – это и есть указание на новый, страшный для Церкви вызов. Именно в Пергаме происходит первое столкновение Церкви с государством, появляются первые жертвы. «Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама». «Учение Валаама» – в свете Чисел 25:1, Иоанн считает лжепророками тех, кто пытается совратить христиан, т.е. истинный Израиль, проповедуя всевозможную распущенность. Упомянутый Валаам – это месопотамский жрец, пытавшийся укрепить союз иудеев с язычниками как в политическом, так и в религиозном плане. Во времена Валаама иудеев привлекали к пирам в честь богов, к участию в священной трапезе [6, с. 143-144]. Есть идоложертвенное, по крайней мере, в пределах языческих капищ, означало признавать языче-

ский образ жизни. Речь в основном здесь шла не о какой-то определенной еде, а о компромиссе с идолопоклонством. Также в послании к Пергамской церкви упоминаются николаиты, которые, по-видимому, служили примером языческого направления среди тех, кто считал себя христианами. Большинство историков отождествляет их с последователями Николая, прозелита из Антиохии, одного из семи иерусалимских диаконов (Деян. 6,5) [7, с. 1482]. Это новое учение больше всего затрагивало верхние слои общества, ибо именно им приходилось разрывать привычный круг отношений и поступаться очень многим, соблюдая строгие нормы христианской нравственности. В представлении ап. Иоанна николаиты были хуже язычников, потому что это были враги в своем лагере [6, с. 145]. Это объясняет и начало послания, где воскресший Христос назван имеющим острый меч. Римские правители делились на два класса: имеющих и не имеющих «право меча» (*jus gladii*), т.е. решающих или не решающих вопросы жизни и смерти. Пергамский проконсул имел право меча и мог в любой момент воспользоваться им против христиан. Иоанн предупреждает, что последнее слово принадлежит Воскресшему Христу, имеющему меч с двух сторон – и против языческой власти, и против христиан, предавших Своего Господа.

В послании к Фиатирской церкви видно, что хотя фиатирцы и обладают главными христианскими добродетелями любви, веры, надежды и стойко проявляют их в деле служения, у общины, тем не менее, есть существенный изъян. Достоверно известно, что город был крупным торговым и промышленным центром. В ходе археологических исследований выявилось, что в Фиатире было много ремесленных гильдий, своего рода кооперативов, в которые объединялись для защиты своих коммерческих и бытовых интересов представители определенных ремесел – сукновальщики, кожевники, бронзовых дел мастера, прядильщики, красильщики, горшечники, пекари и работорговцы [6, с. 163]. Найденные в городе монеты отображают эту особенность: с одной стороны изображалось какое-то божество, с другой – мастерская или цех местных ремесленников. Коллегии (гильдии) объединяли лиц одной профессии – только такие союзы в рамках какой-либо официальной религии допускались римской властью и для производства и для сбыта продукции. В надписях гильдии называются «священными или священнейшими» (греч. *ιερός, ιερότατος*), явно указывая на религиозный характер этих профессиональных объединений [6, с. 169]. В этом, по-видимому, и заключались опасность Фиатирской церкви. Отказаться примкнуть к такой гильдии означало пожертвовать всяким уважением в деловых кругах, стать одиночкой и даже не иметь рынка сбыта своего товара

(место на рынке могла получить только гильдия). Христиан никто не гнал, но им предлагался выбор: либо маргинальное, полунищенское существование, либо – нормальная жизнь, но по правилам, принятым в языческом обществе. В гильдиях практиковались обязательные совместные молитвы, т.к. каждая гильдия имела своего бога-покровителя. Практиковались общественные трапезы, которые часто проводились в языческом храме, а если даже и не в храме, то начинались они и заканчивались формальным жертвоприношением богу-покровителю, а мясо, употребляемое в пищу, было тем самым идоложертвенным мясом. Фиатирцев упрекают за равнодушие к тому, что некоторые из их общины не ведут себя соответственно нормам христианской морали. Примечательно, что самое большое послание было направлено самой маленькой церкви самого незначительного из семи упомянутых в Откровении городов. Но проблема, стоящая перед этой церковью, актуальна для христиан не только Малоазийских церквей, но и вообще для всех христиан. Здесь решался принципиальный вопрос о том, способно ли христианство сохранить свою идентичность в условиях города, который живёт по своим, нехристианским законам [6, с. 170].

Церковь в Сардисе отражала историю города; некогда он носил имя, свидетельствующее о его духовных достижениях, но ныне он мертв. В послании находят отражение еще два момента из жизни города. Сардис был построен на горе, в городе находился акрополь, который считался неприступным [6, с. 174]. И тем не менее акрополь был завоеван не менее пяти раз, при этом дважды из-за потери бдительности стражей. Бросается в глаза явная параллель с отсутствием бодрствования церкви и ужасными последствиями этого. Сардис был также центром производства шерстяных изделий и одним из первых в крашении шерсти; это тоже, по-видимому, находит свое отражение в послании [1, с. 717-718]. Представляясь сардисцам, Господь называет Себя Имеющим семь Духов Божиих, которые символизируют всеведущую и непосредственную связь Бога с творением. О Сардисе и библеисты, и историки говорили, что это, пожалуй, самый печальный пример контраста между былым блеском и последующим упадком. Христиане Сардисской церкви, по приговору суда Божия, только носят имя живых, на самом деле они мертвы: живы для людей, но мертвы для Бога. Здесь апостол не упоминает о гонениях со стороны римской администрации, нет вражды иудеев, нет никаких ересей и расколов. Гонения возникают тогда, когда у Церкви есть своя чёткая христианская позиция; ереси и расколы возникают тогда, когда в Церкви есть хотя бы какое-то движение мысли. Грех Сардисской церкви в том, что она, как живой организм, умерла. Верующих призывают

проснуться, чтобы вернуться к жизни и не пропустить будущего Господня пришествия. Примечательно, что в этом послании для сравнения с настоящим и будущим состоянием верных используются образы, характерные для местных сардисских промыслов, а именно ткацкого и красильного – они ходят со Христом в белых (или выбеленных) одеждах. В античном мире белые одежды символизировали победу. В день празднования триумфа в Риме все граждане одевались в белое, а сам город назывался *Urbs candida* (город в белом). Позднее этот обычай одевания граждан в белое был отнесён к дням празднования культа императора. В христианской традиции белые одежды символизировали победу воскресения и награду верных. К моменту захвата региона турками некогда великий Сардис не представлял для Византии никакой ценности – его просто отдали, как старую, ненужную вещь [6, с. 185].

У филиладельфийцев и смирнцев была одна проблема: и тех, и других преследовали «иудеи». Эти люди больше не представляли собой народа Божиего, не являясь больше «истинными иудеями», но приравнялись к сатанинскому сборищу – т.е. к образу главного врага как Бога, так и филиладельфийцев [6, с. 197]. Библейским языком выражена мысль, что эти враги будут поражены, подобно тому, как Исайя предрекает победу Израиля над народами (язычниками). Только филиладельфийцев и смирнцев Господь не призывает к покаянию. Смирнцам Он даровал свободу от страха, а филиладельфийцев Он хвалит за стойкость: и тем, и другим за верность обещан венец жизни. Послание к Филадельфийской Церкви, как и другие послания Книги Откровения, следует рассматривать в контексте исторической судьбы этого Малоазийского региона. Только Филадельфийская Церковь, изначально самая маленькая и бедная, в полной мере осуществила все требования Воскресшего Господа, противостоя и язычникам, и иудеям, и арабам, и гедонистической цивилизации.

Понять послание Лаодикийской церкви помогают три важных фактора из жизни города, известные всей Римской империи: город был банковским центром, чьими услугами по обмену валюты рекомендовал пользоваться сам Цицерон; в городе было развито производство одежды и шерстяных ковров из блестящей черной овечьей шерсти; в городе находилась медицинская школа и было налажено производство лекарств, в том числе и знаменитой глазной мази, которая изготавливалась с использованием местного сырья (тонкодисперсной горной породы). Жесткая оценка духовной жизни церкви и призыв к покаянию выражены с использованием этих известных особенностей города [1, с. 719]. Послание Лаодикийской Церкви в Книге Откровения показывает её судьбу со страшной правдиво-

стью, подтверждённой историей. В этом последнем седьмом послании нет ни одного слова похвалы. Обращаясь к лаодикийцам, Господь использует шокирующий образ рвоты. Именно так в греческом языке будет звучать фраза: «извергну тебя из уст Моих». В описании образа лаодикийца употреблено сравнение с существовавшей в действительности тошнотворной тепловатой минеральной водой [4, с. 402]. Ап. Иоанн использует антитезу «холодный – горячий», показывая, что он хорошо знает специфику этого региона, который получает воду из подземных минеральных источников Иераполя. «Жёсткая» вода, насыщенная известью и кальцием, поступала в Лаодикию по подземному керамическому трубопроводу. Эта вода, в отличие от горячей воды Иераполя или холодной воды Колосс, действительно была очень неприятна на вкус и вызывала рвотный рефлекс, но жители Лаодикии, привыкнув к ней, не обращали на это внимания. Христиане Лаодикии были «ни холодны, ни горячи», как и их вода, лишь забивающая систему водоснабжения известью. В Послании им вынесен вердикт, что их жизнь является препятствием Евангельской проповеди. Господь устами св. Иоанна бросает церкви обвинения на языке, понятном именно в Лаодикии. «Глазную мазью помажь глаза твои, чтобы видеть». Речь идёт о знаменитой лечебной пудре, добываемой из «фригийского камня» в Лаодикии. В городе, который славился на всю империю исцелением глазных болезней, Церковь оказалось слепой. Метафора «золото, огнем очищенное» может указывать на то, что в богатой Лаодикии, как и в богатом Сардисе, не просто чеканили монеты, но и производственным путём делали драгоценные сплавы, исполнявшие роль банковских эквивалентов. Христианская вера лаодикийцев, как и их золото, должна пройти огненное испытание, «чтобы обогатиться» [6, с. 216-217]. Проблематика послания к Лаодикийской Церкви заключается в том, что для Церкви гораздо более страшным испытанием, чем гонения и скорби, являются роскошь, изнеженность и лень – на языке античной философии названные термином «гедонизм» (от греч. ἡδονή – наслаждение, удовольствие) [6, с. 218-219].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. [Коллектив авторов]. Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 2. Ветхий Завет / [Коллектив авторов]. – СПб.: Издательство «Мирт», 2000. – 571 с.
2. Кинер К. Библейский культурно-исторический комментарий: В 2 ч. Ч. 2. Новый Завет / Крейг Кинер; Под общ. ред. Р. 3. Ороховатской. - СПб.: Мирт, 2005. - 733 с.

3. Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 3. Новый Завет.: Пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2001. – 751 с. – (Энцикл. христианства).
4. Браун Р. Введение в Новый Завет. Том II //Библейско–богословский институт св. апостола Андрея, М., 2007.
5. Покорны Петр и Геккель Ульрих. Введение в Новый Завет. Обзор литературы и богословия Нового Завета / Пер.с нем. (Серия «Современная библеистика»). - М.: Издательство ББИ, 2012. - xvi + 798 с.
6. Протоиерей Георгий Урбанович. Семь церквей Апокалипсиса. Церковно-археологический очерк. – Смоленск, 2011. – 264 с.
7. Гатри Дэвид. Введение в Новый Завет. – М.: РБО, 2005. – 1709 с.

О ЛЕГИТИМНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА» В ОТНОШЕНИИ К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ

*Коденев М.А.
(Минск, БГУКИ, МИНДА)*

Вопрос об определении «священной войны», и о правомочности вообще употреблять такой термин, является предметом оживлённых дискуссий. Большинство исследователей склоняется к признанию несостоятельности и несамостоятельности такого термина. Представление о том, что Древний Израиль наряду с обычными войнами при особых обстоятельствах вёл «священные войны» наиболее ярко пропагандировал Герхард фон Рад в начале пятидесятих годов прошлого века. Он разработал «теорию священной войны» (такого термина в Библии нет; иногда о войнах народа израиля пишут как о «войнах Яхве») определил её конститутивные особенности:

1. Ведение войны в определённых ритуальных рамках, определение её как в высшей степени выдающегося культового действия.
2. Решающая роль Яхве, а не собственной армии в победе над противником.
3. «Защитный» характер такой войны, со стороны Израиля.

Фон Рад считает, что институт «священной войны» сложился ещё в догосударственный период существования евреев. Это было делом всего народа, даже если в этом предприятии не принимали участия все взрослые члены племени. Предводитель был *ad hoc* харизматическая личность, действующая по указанию Самого Яхве. Возникновение института царей